

№№ 14-15.

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕЙДЕМАЙЕРЪ.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Императоръ Александръ Второй.—
 II. Иванъ Сусанинъ. *. — III. Письма изъ Швей-
 царинъ. Роевко.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ,

ОСВОБОДИТЕЛЬ.

ТѢХЪ поръ, какъ Ты открылъ на солнце вѣжды,
 Народъ Твоей причастенъ сталъ судьбѣ;
 Отечество прекрасныя надежды
 Лелѣяло въ грядущемъ на Тебѣ.

Москва, Тебя привѣтствуя младенцемъ,
 Въ Тебѣ судьбѣ угадывала цѣль;
 Ты звалъ себя московскимъ уроженцемъ,
 Ты жаловалъ родную колыбель,

И на Твои сердечные привѣты
Она Тебѣ несла любви обѣты *).

Дѣти! пораженная ужасомъ и великимъ горемъ своимъ и всего народа русскаго, передъ свѣжей еще могилой, такъ неожиданно, такъ страшно убитаго преступниками, любимаго Государя—Отца-Преобразователя, я не находила ни силъ, ни словъ, чтобы подѣлиться съ вами нашимъ общимъ народнымъ несчастіемъ, нашими слезами и воспоминаніями о Немъ. Я видѣла Его младенцемъ, въ первые дни Его жизни, часто видѣла милымъ отрокомъ,—прошли десятки лѣтъ и я увидала, какъ въ раскрывшіяхся ворота Зимняго дворца, при звукахъ раздирающихъ сердце музыки и пѣнія, выѣхала печальная колесница, на которой покоился Онъ—сномъ вѣчнымъ, непробуднымъ.

Что я перечувствовала, что я пережила—для этого нѣтъ словъ. Одинъ Богъ видѣлъ мою душу.

Много несчастій пережило наше отечество; много пролило слезъ и крови, но преступленія даже подходящаго къ тому, какое совершилось передъ нами, еще никогда не видала Россія!

Когда мнѣ было около восьми лѣтъ, я жила въ Москвѣ. Въ это время Москва отстраивалась послѣ пожара 12-го года; въ нее безпрестанно наѣзжали генералы и офицеры, участники только что прекратившейся войны. Наконецъ прибылъ Государь Александръ Павловичъ и царское семейство. Москва оживилась, торжествовала, прошедшее было позабыто. Государь—побѣдитель Наполеона, освободитель отъ враговъ Россіи и Европы,—былъ окруженъ славой и восторженной любовью. Къ полнотѣ его счастья недоставало только наслѣдника престола. У перваго брата его—Цесаревича Константина Павловича дѣтей также не было. Всѣ надежды царственнаго семейства и Россіи сосредото-

*) Изъ стих. С. П. Шевырева.

чились на ожидаемомъ ребенкѣ второго брата Императора — Великаго Князя Николая Павловича.

Однажды, на Святой недѣлѣ, гуляя съ товарищемъ моего дѣтства — Сашей и его матерью, проходили мы Кремлемъ. Утро было теплое, ясное, въ Кремлѣ царствовала тишина, несмотря на то, что на площади находилось множество народа. Повидимому, всѣ были въ ожиданіи чего-то. Около одиннадцати часовъ мы поровнялись съ Николаевскимъ дворцомъ, въ то же мгновеніе раздался громовый выстрѣлъ: Бородинскія пушки возвѣстили Москвѣ и Россіи рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича.

Это было 1818 года 17-го апрѣля.

Гряди къ намъ въ міръ младенецъ, гость желанный — радостно выразилось во всѣхъ взорахъ, отозвалось въ народныхъ кликахъ, чувствовалось въ сердцахъ, сказалось и въ моей дѣтской душѣ. Вмѣстѣ съ народомъ я уже любила царственного младенца, котораго хотя и не было среди насъ, но который, казалось, невидимо присутствовалъ тутъ.

Воспоминанія потокомъ приливаютъ къ груди моей. Образы, чувства дѣтства и первой юности встаютъ точно въ утреннемъ туманѣ — легкія, полуясныя и переплетаются съ настоящимъ.

Передъ моимъ внутреннимъ взоромъ — „любимое дитя народа, — Царь-Преобразователь“ — Онъ освобождаетъ миллионы крестьянъ отъ рабства; улучшаетъ общественное хозяйство; освобождаетъ судъ отъ произвола и неправды; освобождаетъ преступниковъ отъ тѣлеснаго наказанія и позорнаго клейма; уравниваетъ податное сословіе передъ закономъ, въ общей воинской повинности; печать и литературу облегчаетъ отъ цензурнаго стѣсненія; основываетъ десятки тысячъ народныхъ училищъ; освобождаетъ болгаръ; раскидываетъ по Россіи сѣть желѣзныхъ дорогъ, которыя оживляютъ торговлю и промышленность. Освободительная идея животворною струей стремится по всему законодатель-

ству—народъ называетъ Его „Царемъ-Освободителемъ“ и—Онъ убить—убить, и какъ жестоко!

Убить Царь-Освободитель! страшная вѣсть какъ громъ поражаетъ Россію. Слезы глубокаго горя и негодованія льются на его гробницу, увѣнчанную тысячами вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ всего государства; жаркія молитвы возносятся ко Всевышнему, передъ престоломъ котораго Онъ—мученикъ—предстоить теперь.

Я помню Императора Александра II-го младенцемъ и отрокомъ,—въ условіяхъ и обстановкѣ этого возраста.

Помню, какъ говорили въ домѣ моего дѣда, что о рожденіи Его дано было знать немедленно Императору Александру Павловичу, во имя котораго Онъ былъ и названъ Александромъ. Государь находился въ отсутствіи, но поспѣшилъ въ Москву къ крестинамъ малютки. Тайнство крещенія совершенно было архіепископомъ Августиномъ въ Чудовѣ монастырѣ. Воспріемниками отъ купели были: государь императоръ, вдовствующая государыня Марія Ѳеодоровна и дѣдъ высоконоворожденнаго — король прусскій. Совершеніе обряда крещенія было возвѣщено 201 выстрѣломъ изъ пушекъ и колокольнымъ звономъ по всѣмъ церквамъ.

Въ день крещенія новорожденнаго—погода стояла прекрасная, жаркая, такъ же какъ и въ день рожденія Его, мы, гуляя утрами, обыкновенно проходили Кремлемъ. Въ это самое время, въ Николаевскомъ дворцѣ поднесли къ окну въ пеленахъ царственнаго младенца и показали Его тѣснившемуся въ Кремлѣ народу. Воздухъ огласился восторженными криками.

Дитя спало—и былъ:

Какъ тишина Его прекрасенъ сонъ,

И жизни вѣсть къ Нему не прикасалась.

Великій князь Николай Павловичъ, въ исполненіе даннаго обѣта, просилъ архіепископа Августина воздвигнуть въ церкви Новаго Іерусалима придѣлъ во имя Александра Нев-

скаго, какъ выраженіе благодарности Господу Богу за сохраненіе жизни матери и ребенка.

Въ это время находился въ Москвѣ нашъ поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Онъ видѣлъ какъ народъ въ глубокой тишинѣ толпился передъ дворцомъ въ день рожденія и крестинъ Великаго Князя Александра Николаевича. Видѣлъ всеобщій восторгъ при радостной вѣсти—и сказалъ:

..... Тишина святая надо мною;
Москва жива, въ Кремлѣ семья царя;
Народъ, тѣсясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникъ великомъ Воскресенья
Смирненно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милого пришельца въ Божій свѣтъ.
О, какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателемъ обѣтъ.
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди къ намъ въ міръ, младенецъ, гость желанный!

Какъ бы вдохновенный свыше, онъ высказываетъ, что на долю новорожденного выпадаетъ предназначеніе совершить великія дѣла.

Это предвидѣніе поэта и чувство народной любви къ царственному дитяти отозвалось и въ другомъ поэтѣ—Рылѣевѣ. Когда Великому Князю Александру Николаевичу исполнилось пять лѣтъ, Рылѣевъ написалъ на день Его рожденія оду, подъ названіемъ—„Видѣніе“. Поэту представляется надъ Петербургомъ тѣнь Императрицы Екатерины II-й. Восторженнымъ взоромъ она ищетъ кого-то,—замѣтивъ играющаго отрока, она принимаетъ образъ богини мудрости—Минервы, обращается къ нему съ предсказаніями и совѣтами и говоритъ:

Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцемъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Твой долгъ—благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ;
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

* * *

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ неблагогородной—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

* * *

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ,
Будь Антониномъ *) на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Спустя семь лѣтъ Императоръ Александръ Павловичъ скончался.

Во время волненія, происходившаго на Исакіевской площади 14 декабря 1825 года, Великій Князь Александръ Николаевичъ былъ отвезенъ въ Аничковъ дворецъ. Когда волненіе успокоилось, генераль-адъютантъ Кавелинъ поѣхалъ за Нимъ, чтобы перевезти Его въ Зимній дворецъ.

*) Добрый римскій императоръ, прозванный „Благочестивымъ“ (Pius).

Онъ нашелъ царственнаго отрока занятымъ раскрашиваніемъ литографированной картинки, изображавшей переходъ Александра Македонскаго черезъ рѣку Граникъ. Кавелинъ привезъ Великаго Князя вмѣстѣ съ находившимся при Его воспитаніи флигель-адъютантомъ Мердеромъ.

Когда государь возвратился съ Исакиевской площади во дворецъ, то пожелалъ показать сына своего вѣрному своему войску. Гриммъ, камердинеръ вдовствующей императрицы, отнесъ дитя во дворъ. Государь показал Его саперамъ, сказавъ: „полюбите моего сына такъ же, какъ и я васъ люблю“. И передалъ Его на руки георгіевскимъ кавалерамъ; — заслуженные воины съ умиленіемъ приняли царственнаго отрока и съ восторгомъ цѣловали Его руки и ноги.

14 декабря 1825 года императоръ Николай Павловичъ вступилъ на Россійскій престолъ, а Великій Князь Александръ Николаевичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола.

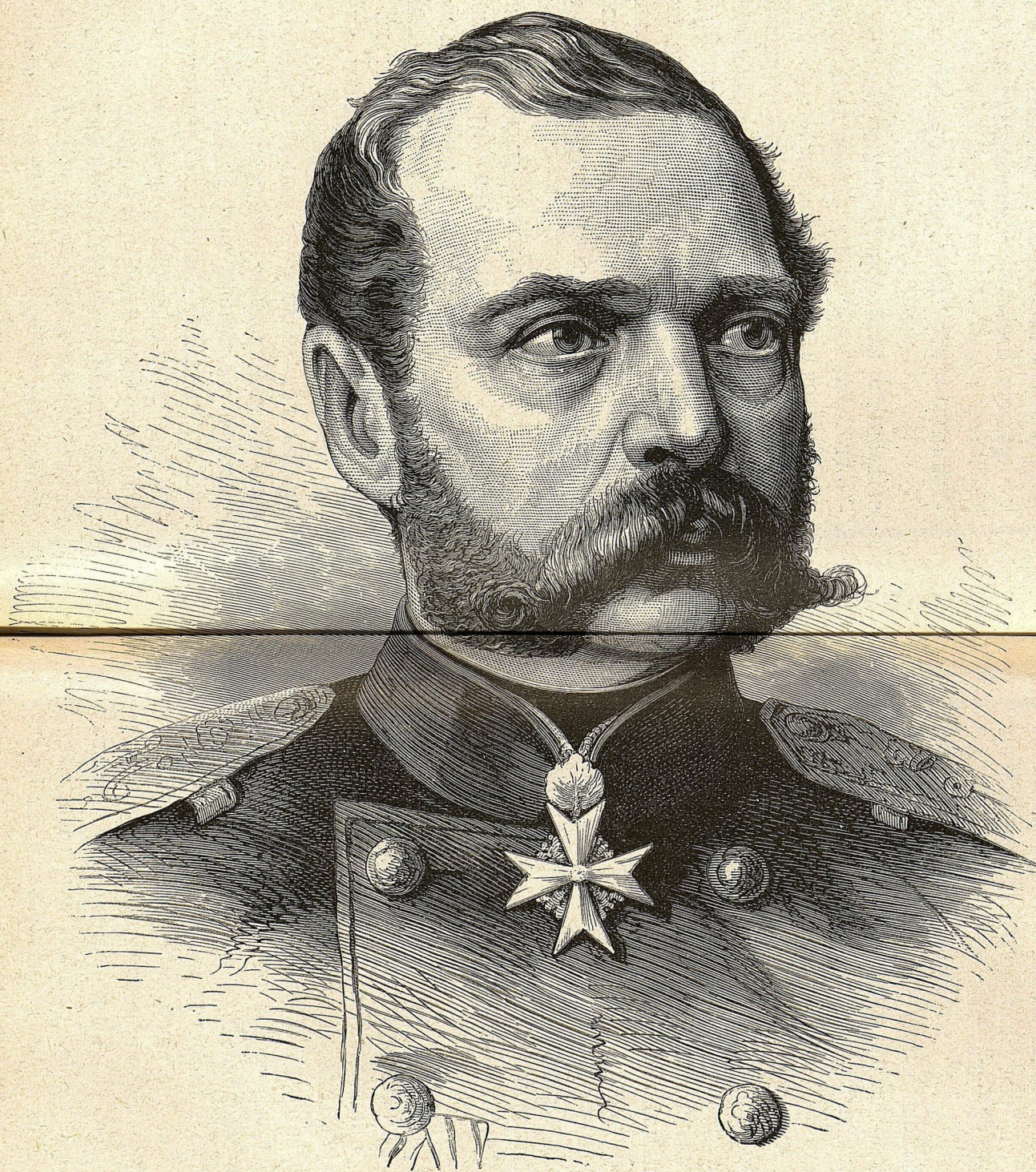
Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, Василій Андреевичъ Жуковскій былъ избранъ въ воспитатели наслѣдника и тотчасъ постановленъ былъ „планъ ученія“. Планъ этотъ былъ дальновидно обдуманъ и къ исполненію его приступили послѣ коронаціи. Такъ какъ здоровье Василья Андреевича было разстроено литературными и учеными трудами, то, прежде вступленія въ свою великую обязанность, онъ отправился для возстановленія силъ за границу и пробылъ тамъ все время коронаціи.

Коронація совершилась 22 августа 1826 года.

Восьмилѣтній Великій Князь Александръ Николаевичъ принималъ участіе во всѣхъ торжествахъ этого времени, какъ наслѣдникъ престола.

21-го іюля 1826 года, императоръ и вся царская фамилія прибыли изъ Царскаго Села въ Петровскій дворецъ и оставались тамъ до вѣзда въ столицу, гдѣ уже была гвардія посольства.

Москва оживилась. Начались приготовленія къ торже-

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

ственному въѣзду и къ коронаціи. Весь рядъ домовъ отъ триумфальныхъ воротъ и до Садовой улицы былъ обстроенъ подмостками. Лавки, окна нижнихъ этажей, двери, ворота загорожены скамейками и наскоро сдѣланными пристройками. За окна, за балконы платили сотни рублей. Дома были украшены флагами, драпировками, цвѣтами, вензелями. Всѣ мѣста, даже крыши домовъ были усыяны народомъ. По улицамъ въ двѣ линіи разставлены были гвардейскіе полки.

Я видѣла въѣздъ изъ дома, съ Тверской, поѣздъ тихо двигался изъ Петровскаго дворца въ Кремль—при перемѣжающихся выстрѣлахъ изъ пушекъ, звонѣ колоколовъ, музыкѣ гвардейскихъ полковъ, барабанномъ боѣ и крикахъ „ура“. Государь ѣхалъ верхомъ, окруженный блестящей свитой, подлѣ золоченыхъ каретъ, въ которыхъ сидѣли—въ одной вдовствующая государыня, въ другой молодая императрица съ Наслѣдникомъ. При видѣ царственнаго отрока въ безчисленной толпѣ пробѣжалъ какой-то трогательный говоръ нѣжности.

Такія чувства покойный Императоръ вселялъ въ каждого со дня своего рожденія и до страдальческой кончины.

Всѣ нетерпѣливо ждали коронаціи.

Стѣны Кремля были обстроены подмостками въ видѣ амфитеатра. Отъ Краснаго крыльца ко всѣмъ соборамъ шелъ помостъ, устланый пунцовымъ сукномъ. Подлѣ ограждавшаго помостъ парапета, неподвижно стояли, въ двѣ линіи, кавалергарды, держа оружіе на парадъ. Между помостомъ и подмостками было войско и народъ. Наша ложа выходила одной стороною къ Красному крыльцу, съ другой открывалась вся площадь.

Утро было ясное, на небѣ ни облачка, солнце сіяло полнымъ блескомъ.

Вотъ двери дворца растворились, началось шествіе съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ всѣхъ сословій Россіи и всѣхъ государствъ въ лицѣ ихъ представителей. Торжественная процессія развертывалась величественно. Молодая

императрица стала подъ балдахинъ, держа за руку Наслѣдника. Царственное дитя невинно смотрѣло на все своимъ яснымъ, добросердечнымъ взоромъ. Со всѣхъ сторонъ на Него упали взоры любви и умиленія.

Саша въ полголоса напомнилъ мнѣ, какъ мы, будучи дѣтьми, случайно проходили Кремлемъ въ самое то время, какъ возвѣстили рожденіе Наслѣдника и, любуясь Имъ съ чувствомъ сказалъ:

Какой пророческій стихъ!

Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена судьбой.

Въ дверяхъ дворца показался государь, рядомъ съ нимъ великій князь Константинъ Павловичъ. Когда государь сталъ подъ балдахинъ, Цесаревичъ пошелъ подлѣ балдахина.

Все скрылось въ соборѣ. Въ Кремлѣ распространилась такая тишина, какъ будто на площади не было ни души. Вдругъ Кремль задрожалъ отъ грома выстрѣловъ, слившихся со звономъ колоколовъ, императоръ Николай I въ коронѣ и порфирѣ вышелъ изъ собора. Его встрѣтилъ трогательный гимнъ „Боже, царя храни“, громкое ура, молитвы, слезы, упованья. Подлѣ государя шла императрица. Наслѣдника вела за руку вдовствующая государыня. Вечеромъ улицы Москвы были залиты огнями иллюминаціи въ безчисленныхъ изображеніяхъ. Вездѣ тѣснились толпы гуляющихъ. Въ кремлевскомъ саду гремѣла музыка.

Послѣ коронаціи давались точно волшебные по роскоши и фантазіи—балы и маскарады во дворцѣ, въ благородномъ собраніи, у иностранныхъ пословъ. Въ экзерсисъ-гаузѣ былъ праздникъ войску; на Дѣвичьемъ полѣ—народу, на Ходынкѣ—блестящіе маневры; въ Кремлѣ—разводы.

Мы часто бывали въ Кремлѣ, почти всегда видали маленькаго Наслѣдника, и всегда Онъ оставлялъ самое свѣтлое впечатлѣніе. Я видала покойнаго императора Александра Николаевича только ребенкомъ и отрокомъ, такимъ онъ и остался

въ моей памяти съ его милымъ, беззаботнымъ дѣтскимъ взоромъ, съ его свѣтлой, кроткой улыбкой.

Торжество завершилось великолѣпнымъ фейерверкомъ.

Наслѣдникъ росъ въ родной семьѣ, окруженный любовью и попеченіями и привлекалъ къ себѣ сердца добродушіемъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, возвратившись изъ-за границы, началъ свои учебныя занятія съ Цесаревичемъ, вмѣстѣ съ другими воспитателями. Умный, просвѣщенный, необыкновенно добрый, горячо любящій отечество — Жуковскій всей душой привязался къ августѣйшему воспитаннику, почти все время отдавалъ своему дѣлу, сознавая важность принятой обязанности. Вмѣстѣ съ знаніями онъ старался возбудить въ Цесаревичѣ чувство справедливости, состраданія и милосердія. Старанія его принесли богатые плоды.

Въ 1834 году Цесаревичъ присягалъ. По этому случаю Василій Андреевичъ писалъ И. И. Дмитріеву, „Сожалѣю, что вы не были свидѣтелемъ присяги Цесаревича—это была минута трогательная. Имъ всѣ радуются—это глубоко радуетъ меня, дай Богъ, чтобы вся жизнь Его была похожа на этотъ первый важный день Его дѣйствительной жизни. Мое дѣло при Немъ еще не кончено; еще три года продолжится Его ученіе“.

Когда Жуковскій получилъ отъ государя награду, за труды по воспитанію Наслѣдника, писалъ объ этомъ Дмитріеву.

„Награда, полученная мною не давно, тѣмъ пріятнѣе для меня, что она слѣдствіе экзамена выдержаннаго Великимъ Княземъ въ присутствіи императора. Дай Богъ, чтобы нашъ наслѣдникъ оправдалъ тѣ надежды, которыя онъ подаетъ намъ какъ разцвѣтающій юноша; черезъ нѣсколько дней вы увидите государя и государыню въ Москвѣ; но желанный Князь къ вамъ не будетъ. Теперь Ему надобно еще строже заниматься ученіемъ; предметы важные, ихъ много, а время летитъ“...

Когда Наслѣднику исполнилось 19 лѣтъ, для дополненія

Его ученія и воспитанія Онъ былъ отправленъ путешествовать по Россіи, чтобы ознакомиться съ тѣмъ краемъ, надъ которымъ былъ призванъ современемъ царствовать. Путешествіе продолжалось три года по Россіи и заграничій.

1837 года 2 мая Цесаревичъ отправился изъ Петербурга въ сѣверныя губерніи. Въ Переяславлѣ Онъ проѣхалъ вдоль озера Плещеева къ домику, въ которомъ хранится ботикъ Петра Великаго. Въ Костромѣ посѣтилъ Ипатіевскій монастырь и кельи, въ которыхъ жилъ съ своей матерью царственный предокъ Его Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. По всему пути, въ городахъ и селеніяхъ народъ встрѣчалъ и провожалъ Его съ радостными криками, съ хлѣбомъ и солью, дворянство давало праздники и балы. Цесаревичъ первый изъ царственныхъ особъ посѣтилъ Сибирь. Народъ былъ въ восторгѣ и говорилъ: „до сихъ поръ нашъ край былъ Сибирью, а теперь сталъ Россіей“.

Великій князь любовался дикими, оригинальными картинами сибирской природы, дивился богатствамъ страны почти не тронутымъ, не разработаннымъ по бѣдности и рѣдкости населенія, и затруднительности сообщенія со средоточіемъ Россіи.

Въ Сибири доброе сердце царственного юноши было глубоко тронута печальнымъ положеніемъ преступниковъ, и Онъ просилъ Императора смягчить ихъ участь. Отосланъ былъ указъ сенату облегчить наказаніе многихъ ссыльныхъ и каторжныхъ. В. А. Жуковскій, сопровождавшій своего воспитанника во все время Его путешествія, писалъ вдовствующей Государынѣ— „я не могу не сообщить вашему величеству тѣхъ чувствъ, которыя во мнѣ пробудились этимъ радостнымъ событіемъ; не могу не подѣлиться съ вами, какъ съ доброй матерью, той радостью, которую произвелъ во мнѣ этотъ произвольный порывъ къ милосердію въ нашемъ миломъ Цесаревичѣ. Никто не возбуждалъ Его къ состраданію; Онъ самъ съ прелестною сыновней свободою и довѣренностію высказалъ все Государю“.

Въ средней полосѣ Россіи Наслѣдникъ посѣтилъ Тарутино и Бородино, знаменитыя въ нашей исторіи по воспоминаніямъ отечественной войны. Въ Смоленскѣ дворянство давало ему балъ, и когда Цесаревичъ вошелъ, то былъ встрѣченъ прекраснымъ польскимъ, написаннымъ нашимъ извѣстнымъ композиторомъ, смоленскимъ помѣщикомъ, М. И. Глинкою, знаменитымъ своею оперой „Жизнь за царя“.

Изъ любимца ограниченнаго кружка приближенныхъ—Цесаревичъ сдѣлался любимцемъ всей Россіи.

Лѣтомъ на обратномъ пути изъ Сибири Наслѣдникъ прибылъ въ Москву. Онъ остановился въ Николаевскомъ дворцѣ, ночевалъ въ той комнатѣ, въ которой провелъ первую ночь своей жизни. Изъ Москвы Жуковский писалъ:

„Мы въ Москвѣ. Вчера въ ночь Великій Князь пріѣхалъ сюда весьма поздно—утромъ нынѣшняго дня возобновилось то прекрасное утро, которое видѣлъ я здѣсь въ Кремлѣ за девятнадцать лѣтъ тому назадъ! то же свѣтлое небо, тотъ же торжественный звонъ колоколовъ, и тотъ же радующійся народъ.

„Я вспомнилъ это прекрасное время. Тогда я одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ милаго новорожденнаго. Государыня Императрица Марія Теодоровна переносила Его изъ той комнаты, гдѣ Онъ родился, въ ту, гдѣ провелъ Онъ первую ночь своей жизни. На томъ мѣстѣ, гдѣ тогда я имѣлъ счастье поздравить государыню съ даннымъ ей отъ Бога внукомъ, я имѣлъ счастье обнять теперь тогдашняго младенца, нынѣшняго прекраснаго, возмужалаго Цесаревича: въ то же окно, изъ котораго тогда съ рюмкой шампанскаго поздравлялъ я съ новорожденнымъ толпившійся на площади народъ, любовался я на такую же толпу народа, ожидавшую появленія Наслѣдника, навѣстившаго свою родину и уже знакомаго съ любовью къ Нему всей Россіи“.

На другой день своего пріѣзда въ Москву, Наслѣдникъ прошелъ въ Успенскій соборъ сквозь густую толпу народа. Митрополитъ Филаретъ привѣтствовалъ Его прекрасной

рѣчью. Изъ Успенскаго собора Великій Князь прошелъ въ соборы: Архангельскій и Благовѣщенскій. Взойдя на Красное крыльцо, Онъ остановился и поклонился народу. Гремящее „ура“ слилось со звономъ колоколовъ.

Да, въ Москвѣ чувствуется Россія!

Посѣтивши генераль-губернатора князя Голицына и митрополита, Наслѣдникъ принималъ гражданскихъ чиновниковъ, московское дворянство и купечество, дѣлалъ смотръ войску, осматривалъ благотворительныя заведенія и посѣтилъ Воскресенскій монастырь.

Возвратившись въ Москву, Цесаревичъ на слѣдующій день былъ въ университетѣ, разговаривалъ съ профессорами, выслушивалъ привѣтствія студентовъ и долго рассматривалъ музей, библіотеку и другія учрежденія университета.

Второго августа Великій Князь былъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ Цесаревичъ поклонился гробу знаменитаго гражданина—патріота Минаина.

Въ Вознесенскѣ, гдѣ Императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ маневры, — Наслѣдникъ присоединился къ своему семейству. Изъ Вознесенска Онъ отправился осматривать южную часть Россіи, и изъ Одессы на пароходѣ отплылъ въ Крымъ. Въ Таганрогѣ осмотрѣлъ дворецъ, въ которомъ скончался Императоръ Александръ Павловичъ. Въ Аксайской станицѣ, встрѣтилъ Государя, какъ атаманъ войска Донскаго, и отправился въ Новочеркасскъ, потомъ чрезъ Воронежъ и Москву возвратился въ Петербургъ.

Въ продолженіе своего путешествія по Россіи, Наслѣдникъ видѣлъ не только радостныя встрѣчи и пиры, но видѣлъ бѣдность, видѣлъ страданія и всему сочувствовалъ — сострадалъ.

Спустя годъ послѣ путешествія по Россіи, Великій князь Александръ Николаевичъ отправился за границу, чтобы ознакомиться съ чужими государствами, побывалъ почти во всѣхъ

странахъ Европы и ея замѣчательныхъ городахъ. Въ Голландіи онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ Петръ Великій работалъ на верфяхъ, и въ одеждѣ простаго мастера учился кораблестроенію. Въ герцогствѣ Дармштадтскомъ вниманіе его обратила дочь великаго герцога Людовика II-го Марія, нарѣченная въ православіи Маріей Александровною, съ которою и былъ помолвленъ, а 1841 года 18 апрѣля въ Петербургѣ совершенно было и бракосочетаніе, при общемъ торжествѣ всего народа.

1843 года Господь даровалъ Цесаревичу сына Николая Александровича, — а въ 1845 году 26 февраля Провидѣніе ниспослало второго сына Александра Александровича, который по кончинѣ Николая Александровича объявленъ былъ Наслѣдникомъ русскаго престола.

Когда Государь долженъ былъ сопровождать супругу свою за границу, по разстроенному ея здововью, на это время управленіе государственными дѣлами поручалъ Цесаревичу, за что по возвращеніи изъ путешествія пожаловалъ Ему орденъ Св. Владиміра первой степени. А въ бытность свою на Кавказѣ по представленію намѣстника Кавказа данъ Ему орденъ Св. Георгія.

Между тѣмъ политическія событія вовлекли Россію въ войну съ Турціею, Англіею, Франціею и Сардиніею, — Россія выступила противъ нихъ на защиту правъ христіанъ на Востокѣ; но прежде нежели эта война была окончена, 18 февраля 1855 года Императоръ Николай Павловичъ скончался.

19 февраля 1855 года на Всероссійскій престолъ вступилъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, въ самый разгаръ знаменитой обороны Севастополя. О вступленіи своемъ на престолъ молодой Императоръ возвѣстилъ своихъ подданныхъ манифестомъ, полнымъ милостей и облегченія народа, принимая священннй обѣтъ имѣть одну цѣль: благоденствіе Отечества.

Севастополь, изнуренный годовой осадой — достался непріятелю въ однѣхъ развалинахъ.

Онъ палъ, но Россія осталась цѣла, и въ Парижѣ былъ заключенъ миръ.

Коронація русскихъ царей въ Москвѣ всегда представляла торжественное зрѣлище и государственно-народный праздникъ; но коронація Императора Александра Николаевича, родившагося въ Москвѣ, начавшаго свое царствованіе великими милостями, представляла особенное величіе, пышную обстановку, стремленіе народа выразить Ему свою любовь и какъ бы слиться во-едино съ своимъ царемъ.

Лѣтомъ 1856 года 26 августа, Императоръ Александръ Николаевичъ короновался.

Баламъ, празднествамъ, казалось, не будетъ конца. Объявлены были безчисленныя милости и награды; дарованы льготы, сложены недоимки, уменьшены наказанія преступниковъ, политическіе преступники были возвращены изъ Сибири. Въ Высочайшемъ манифестѣ, при каждомъ случаѣ говорится: отмѣнить, простить, возвратить.

Послѣ коронованія Государь прежде всего обратилъ вниманіе на положеніе крестьянъ и выразилъ желаніе дать имъ свободу.

Для этого учрежденъ былъ особый комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого Государя. Въ комитетѣ разсматривались правила объ устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ. Дворянство помогало Царю, каждое по своей губерніи, и въ пользу крестьянъ отказывалось отъ многихъ личныхъ и имущественныхъ правъ.

1861 года 19 февраля, былъ подписанъ Царемъ-Освободителемъ законъ объ устройствѣ быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. По этому закону 22 милліона крѣпостныхъ людей получили личную свободу, права на имущество и голосъ на равнѣ съ прочими гражданами государства.

Въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ находилось устройство и общественнаго хозяйства.

Утверждено было „Положеніе о губернскихъ и земскихъ

учрежденіяхъ“. Этимъ закономъ управленіе дѣлами, касающимися пользы и нужды каждой губерніи и каждого уѣзда, ввѣряется представителямъ мѣстнаго населенія, которое избираетъ само населеніе. Изъ этихъ представителей, или выборныхъ, составляются 1) уѣздное и губернское земское собраніе 2) уѣздная и губернская земская управа.

Этотъ законъ предоставилъ мѣстнымъ жителямъ самимъ заботиться объ улучшеніи средствъ на пользу родной мѣстности.

На этихъ же началахъ издано было и „Городовое положеніе“.

Когда права крестьянъ стали равны съ правами другихъ гражданъ, а въ управленіи и веденіи общественнаго хозяйства допущено было выборное начало, то старый судъ не подходилъ уже къ новымъ порядкамъ. Явились „Судебные уставы“, которыми вмѣсто прежняго медленнаго, строгаго закрытаго, часто пристрастнаго суда—устанавливался судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ.

Тѣлесныя наказанія были отмѣнены навсегда. Наказаніе розгами замѣнено тюрьмой или арестомъ.

Началось улучшеніе въ положеніи и военныхъ силъ. Солдатскія дѣти, именовавшіяся кантонистами, были исключены изъ военнаго званія, и 378 тысячъ малолѣтнихъ возвращены въ семейства съ гражданскими правами. Уничтожены военныя поселенія; отмѣнено наказаніе виновныхъ нижнихъ чиновъ шпицрутенами и прогнаніе сквозь строй.

Такъ какъ защита отечества—обязанность каждого подданнаго, поэтому были призваны всѣ сословія къ участию въ военной повинности. По призыву въ военную службу допускаются льготы и исключенія по образованію и по семейному положенію.

Кромѣ главныхъ коренныхъ преобразованій въ двадцатипятилѣтнее царствованіе Александра Николаевича уничтожены винныя откупа, проведено болѣе 22-хъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфъ.

ныя линіи, облегчены почтовые правила, обращено было особенное вниманіе на народное образованіе и развитіе литературы. Изданъ новый университетскій уставъ; облегченъ доступъ въ высшія учебныя заведенія, открыты при университетахъ педагогическіе курсы, въ разныхъ городахъ воскресныя школы, много прогимназій, пансіоновъ, ремесленныхъ и сельскихъ школъ. Учреждены ученыя и промышленныя общества, разрѣшено открыть въ Томскѣ девятый въ Россіи университетъ; развито газетное и литературное дѣло; измѣненъ цензурный уставъ.

Народные интересы и польза государства заставили Россію завоевать и присоединить: При-Амурскій край, Кавказъ, Туркестанъ, Бухару и вступить въ Хиву.

Между тѣмъ какъ производились въ Россіи преобразованія, славяне, подданные Турціи—находились въ угнетенномъ состояніи. Они не имѣли равныхъ правъ съ мусульманами ни въ жизни, ни въ вѣроисповѣданіи, ни въ образованіи. Болѣе же всѣхъ страдала единовѣрная намъ Болгарія. Государь Александръ Николаевичъ старался достигнуть облегченія участи славянъ мирнымъ путемъ, но турецкое правленіе обѣщалось и ничего не дѣлало, это поставило Россію въ необходимость въ 1877 году объявить Турціи войну. Половина Болгаріи сдѣлалась свободною подъ именемъ „Болгарскаго княжества“; другая половина Болгаріи подъ названіемъ Восточной Румеліи получаетъ особое управленіе съ зависимостію отъ Порты.

Россія пріобрѣла отъ Турціи крѣпость Карсъ съ округомъ и портъ Батумъ въ Малой Азіи; а въ Европѣ возвратила себѣ прежде принадлежавшую ей часть Бессарабіи.

Во время войны за освобожденіе славянъ, Государь оставлялъ свою столицу и вмѣстѣ съ войскомъ дѣлилъ неудобства и опасности войны. Тутъ сказала вся теплая, любящая душа Его. Онъ былъ утѣшителемъ раненыхъ, больныхъ, умирающихъ и воодушевлялъ войско своимъ присутствіемъ.

Война была окончена, и славянскія земли частію освобождены, частію обезпечены отъ притѣсненій и мученій турокъ.

Царь, освободитель русскихъ крестьянъ, сталъ освободителемъ и славянъ.

Вся жизнь Государя Александра Николаевича была посвящена на благо Россіи, на улучшеніе судьбы обиженныхъ и притѣсненныхъ, и вдругъ къ ужасу всѣхъ русскихъ людей дѣлается пять покушеній на жизнь Его; но Господь чудеснымъ образомъ спасаетъ Государя.

Въ послѣдній годъ всѣ нѣсколько успокоились, думали ограждена отъ новыхъ покушеній жизнь дорогая Россіи,—а между тѣмъ въ тайнѣ зрѣлъ ужасный замышль.

Никто изъ русскихъ не забудетъ 1 марта 1881 года. День былъ воскресный, небо покрыто снѣговыми тучами, на улицахъ, по обыкновенію, праздничная суета—вездѣ движеніе. Въ часъ Императоръ Александръ Николаевичъ, по окончаніи развода, оставивъ манежъ, заѣхалъ позавтракать въ Михайловскій дворецъ, откуда въ 3 ч. дня отправился въ Зимній Дворецъ по набережной Екатериненскаго канала. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи конвойныхъ казаковъ и полицеймейстра. Вдругъ подъ самой каретой раздался страшный взрывъ; карета остановилась, Государь отворилъ дверцу и вышелъ; Ему представилось страшное зрѣлище: по сторонамъ лежали раненые казаки и 14-лѣтній, крестьянскій мальчикъ, случайно проходившій тутъ. Государь перекрестился и съ участіемъ подошелъ къ раненому ребенку. Кучеръ Государя просилъ Его сѣсть въ карету и скорѣе ѣхать во дворецъ, увѣряя, что хотя карета и попорчена, но доѣхать въ ней можно. Государь не послушался, и на повтореніе той же просьбы полицеймейстеромъ, отвѣчалъ: „Я хочу видѣть моихъ раненыхъ“. Онъ и въ послѣднія минуты жизни думалъ не о Себѣ.

Желая осмотрѣть мѣсто взрыва, Государь пошелъ по тротуару канала, окруженный свитой и тѣснившимся около него народомъ. Но не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ преступная рука бросила новую бомбу. Раздался оглушительный взрывъ и все скрылось въ массѣ дыма, снѣжной пыли, въ клочкахъ и обломкахъ. Когда все разсѣялось, взорамъ присутствующихъ представились павшіе и раненые, а посреди ихъ — Государь; Онъ полулежалъ на снѣгу, прислонясь спиной къ рѣшеткѣ канала, опершись руками на панель, безъ шинели и безъ фуражки, тяжело дыша и обливаясь кровью; разорвавшаяся бомба раздробила Государю ноги. „Помогите“, — сказалъ Государь слабымъ голосомъ. Раненые и уцѣлѣвшіе бросились къ распростертому на землѣ Монарху и слышали едва внятно произнесенныя Имъ слова: „холодно, холодно“. Сотни вѣрныхъ рукъ протянулись къ Нему, тихо, бережно подняли съ земли и понесли къ экипажу. Это была не свита, это была толпа, въ которой рядомъ съ приближенными Монарха — были моряки, юноши изъ учебныхъ заведеній и случайные прохожіе, прибѣжавшіе на взрывъ. Въ это время подоспѣлъ къ Государю Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и спросилъ: слышитъ ли Онъ его. „Слышу“, — отвѣчалъ Государь. Для поданія первоначальной помощи, Государя хотѣли внести въ ближайшій домъ. Но Онъ сказалъ: „во дворецъ; тамъ умереть“. Сначала Государя несли, потомъ рѣшились везти, уложили въ сани полицеймейстера, и прикрыли офицерскимъ пальто. Ротмистръ Кулебякинъ всталъ въ сани на колѣни, спиной къ кучеру; лѣвой рукой онъ поддерживалъ ноги Государя, а правой — спину. Съ лѣвой стороны саней, стоя на полозьяхъ, два раненые казака также поддерживали Государя. Сзади саней, — рядовой кирасиръ, поддерживая голову Императора, прикрытую фуражкой. Поѣздъ двинулся, сопровождаемый казаками. Дорогой Государь, забывая о своихъ страданіяхъ, тихо спросилъ: „ты раненъ, Кулебякинъ“? Горькія слезы были отвѣтомъ раненаго. Доро-

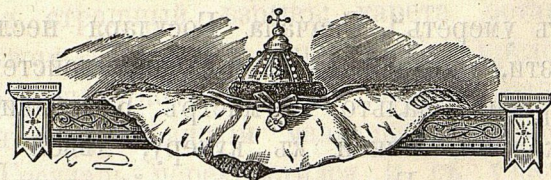
гой, по мѣрѣ приближенія къ Зимнему дворцу, взоръ Государя тускнѣлъ, силы слабѣли; велѣно было ѣхать скорѣе.

Государя несли во дворецъ на рукахъ и положили на постель въ кабинетѣ. Быстро пріѣхали врачи, но помочь было невозможно. Постель умирающаго Царя окружало пораженное горемъ и ужасомъ семейство. Въ головахъ стоялъ Наслѣдникъ престола. Раздавалось рыданіе. Прибылъ духовникъ и пріобщилъ Императора. А на мѣстѣ событія подбирали убитыхъ, раненыхъ, изувѣченныхъ и раздавались раздирающіе душу стоны. Народъ неудержимымъ потокамъ наполнялъ Дворцовую площадь, окружалъ дворецъ въ гробовомъ молчаніи, какъ бы притаивъ даханіе, не вѣря совершившемуся, ждалъ и надѣялся. Медленно, печально опустился до половины Императорскій флагъ на Зимнемъ дворцѣ.

Русскій народъ понялъ что все кончилось.

„Да, не стало Царя-Освободителя“,—вырвалось изъ груди народа и изъ конца въ конецъ повторилось всей Россіей.

Т. Лассекъ.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло.

Въ 1612 году, Москва была освобождена отъ враговъ, вожди народнаго ополченія послали во всѣ города Россіи извѣщеніе объ этомъ радостномъ событіи. Вмѣстѣ съ другими сановниками и духовенствомъ они созвали изъ многихъ городовъ значительнѣйшихъ лицъ и составили земскій соборъ для избранія царя. Долго не могли они рѣшиться. Наконецъ къ общему согласію, 21 февраля 1613 года избрали царемъ шестнадцатилѣтняго отрока Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрѣева-Захарьина, непричастнаго ни къ какой партіи, чистаго совѣстью, знатнаго родомъ. 25 числа присягнула столица и посланы были грамоты о присягѣ по всей Россіи. Въ то же время земскій соборъ отправилъ одну грамоту Михаилу, а другую его родительницѣ, инокинѣ Марѣѣ, въ которыхъ изъяслялъ общее желаніе имѣть царемъ Михаила Ѳеодоровича, и убѣдительно просилъ ихъ о скоромъ прибытіи въ Москву.

Земскій соборъ писалъ и къ королю польскому Сигизмунду: въ грамотѣ своей упомянулъ о всѣхъ сношеніяхъ Россіи съ Польшей, укорялъ поляковъ въ пособіи самозванцамъ и въ нарушеніи договоровъ, затѣмъ просилъ короля и сына его Владислава отмѣнить желаніе быть на російскомъ престолѣ, возстановить миръ и размѣняться плѣнными.

Юный Михаилъ и мать его жили въ это время въ Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда, въ своемъ селѣ Домнинѣ *), находящемся въ 70 верстахъ отъ города Костромы. Село Домнино расположено въ чрезвычайно красивой мѣстности, на высокой горѣ праваго берега рѣки Шачи; оно съ прилежащими къ нему деревнями издревле принадлежало роду дворянъ Шитовыхъ, и, какъ приданое Ксеніи Іоанновны, перешло въ родъ Романовыхъ. Тамъ Михаилъ жилъ съ матерью въ тишинѣ, скромно, уединенно, страшась смутъ, тоскуя о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, слыша о раздорахъ вельможъ, оберегаясь буйныхъ мятежниковъ и литовскихъ наѣздниковъ, всюду бродившихъ отчаянными шайками.

Вѣсть объ избраніи Михаила въ цари вскорѣ распространилась по Россіи. Поляки, еще продолжавшіе тревожить русскія области, узнавши объ этомъ, рѣшились, во что бы то ни стало, схватить Михаила и отправить въ Польшу или убить. Для этого одна изъ шакъ, въ которой были и литовцы, направилась въ костромскія помѣстья Романовыхъ. Въ трехъ верстахъ не доходя Домнина, близъ деревни Деревнищъ **), они сбились съ дороги и не знали куда имъ идти. Между тѣмъ смеркалось, поднялась мятель, снѣгъ валилъ валомъ. Въ это время встрѣтился имъ старый крестьянинъ, поляки обрадовались, стали спрашивать его о дорогѣ къ помѣстью Романовыхъ, и тамъ ли находится Ми-

*) Нѣкоторые говорятъ въ Костромѣ, гдѣ у нихъ былъ собственный домъ, а другіе, что они жили въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

**) Деревня Деревнищи, Буйскаго уѣзда, расположена на рѣкѣ Шачѣ, впадающей въ рѣку Кострому, извѣстна въ настоящее время подъ названіемъ „Деревеньки“.

хаиль. Крестьянинъ этотъ былъ Иванъ Сусанинъ, староста села Домнина. Онъ проживалъ при боярскомъ дворѣ, въ Домнинѣ, но, будучи уроженцемъ Деревнищъ, имѣлъ тамъ свой домъ, въ которомъ жилъ его зять Богданъ Сабининъ, мужъ его дечери Антонида. Смекнувши въ чемъ дѣло, Сусанинъ, по просьбѣ поляковъ провести ихъ въ Домнино, повелъ ихъ по глубокому снѣгу, окольными путями къ Деревнищамъ.

„Куда ты ведешь насъ?.. не видно ни зги!“—

Сусанину съ сердцемъ вскричали враги.

Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;

Намъ знать не добаться съ тобой до ночлега.

Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;

Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ;

Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ,

Веди-жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды,

Иль бойся, не долго у насъ до бѣды!

Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью;

Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?

—Деревня,—сарматамъ *) въ отвѣтъ мужичекъ:

Вотъ гумно, заборы, а вотъ и мостокъ.

За мною въ ворота! избушечка эта—

Во всякое время для гостя нагрѣта.

Войдите—не бойтесь!—Ну то-то москаль!

Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывалъ ночи,

Слѣпились отъ снѣга соколя очи...

Жуланъ мой хотъ выжми, нѣтъ нитки сухой,

Вошедъ проворчалъ такъ сарматъ молодой.

Вина намъ хозяинъ! мы смокли, иззябли!

Скорѣй!.. не заставъ насъ приняться за сабли!

Вотъ скатерть простая на столъ послана,

Поставлено пиво, и кружка вина,

И русская каша и шй предъ гостями,

И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями,

Въ окошечко вѣтеръ бушуя стучить;

Уныло и съ трескомъ лучина горить.

*) Поляки.

Давно было за полночь. Всѣ лежали беззаботно по лавкамъ объятые крѣпкимъ сномъ, не спалъ одинъ Сусанинъ. Въ ночной тиши, сторожа сонъ сарматовъ, онъ опустился на колѣни передъ святой иконой, озаренной свѣтомъ лампадки, и со слезами въ жаркой молитвѣ просилъ Царя небеснаго защитить и спасти юнаго Михаила. Вдругъ ему послышалось, что кто-то подъѣхалъ верхомъ къ воротамъ.

Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ...

Ты-ль это, родимый?... а я за тобой,

Куда ты уходишь ненастной порой!

За полночь... а вѣтеръ еще не затихъ,

Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ,

Приводить самъ Богъ тебя къ этому дому,

Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому,

Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй,

Что гордые ляхи по злобѣ своей

Его потаенно убить замышляютъ,

И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ,

Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,—

Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.

Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ,

И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ.

—Но что ты затѣялъ? подумай, родной!

Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?

И съ юной сестрою, и съ матерью хилой?

—Творецъ защититъ васъ святой своей силой.

Не дастъ онъ погибнуть, родимые, вамъ:

Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ,

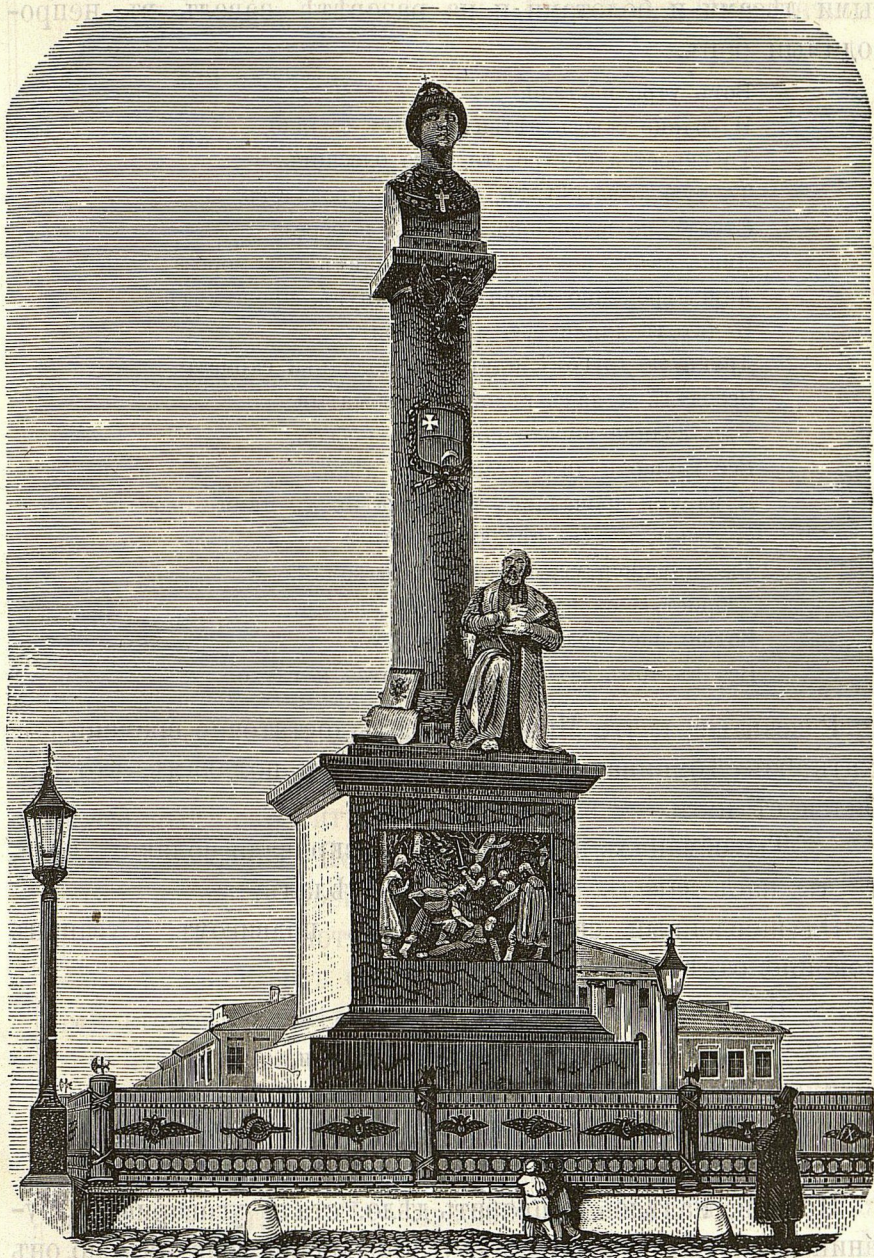
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время,

И помни, я гибну за русское племя!

Молодой человѣкъ, рыдая, простился съ отцомъ, вскочилъ на коня и стрѣлой полетѣлъ въ Домнино. Между тѣмъ вѣтеръ стихъ, небо прояснилось, луна закатывалась. Какъ только зардѣлась заря—поляки проснулись и, увидавши, что Сусанинъ молился Богу—вскричали:

— Не время молиться, старикъ! пора въ дорогу!

Шумной толпой они оставили деревню. Сусанинъ повелъ сарматовъ вмѣсто Домнина, окольными путями, совсѣмъ въ

ПАМЯТНИКЪ СУШАНИНУ.

противоположную сторону. Долго водил онъ ихъ окрестными лѣсами и болотами и на разсвѣтъ завелъ въ непроходимый боръ.

Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло.
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоять не шелохнѣясь и дубъ, и береза,
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, про шумить,
И дятель дуплистую иву долбить.
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы,
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый,
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ,
Все глуше и диче становится лѣсъ,
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще насторожа тревожное ухо,
Все въ томъ захоlustьѣ и мертво, и глухо...

Разсчитывая, что Михаилъ имѣлъ достаточно времени выхвать изъ Домнина, Сусанинъ объявилъ полякамъ, что онъ сбился съ пути.

— Ты обманулъ насъ, старикъ! вскричали поляки, — куда, это ты насъ завелъ? что съ нами сдѣлалъ?

Одушевленный своимъ великимъ подвигомъ, Сусанинъ спокойно отвѣчалъ:

— Я спасъ Михаила.

Предателя думали во мнѣ вы найти,
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любить,
И душу измѣной свою не погубить.

Поляки, надѣясь поправить дѣло, стали уговаривать Сусанина вывести ихъ на дорогу, прельщали золотомъ; но онъ остался непреклоненъ. Тогда они перешли къ угрозамъ, къ пыткамъ, но никакія муки не измѣнили рѣшимости Сусанина.

— Умри жъ подь мечами! воскликнули поляки.

— Не страшень вашъ гнѣвъ! отвѣчалъ Сусанинъ.

Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло,
Ни казни, ни смерти я не боюсь,
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!
Умри же! сарматы герою вскричали,
И сабли надъ старцемъ свистя заблистали!
Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила,
Она для Россіи спасла Михаила.

Михайлъ, во время извѣщенный Сабининымъ о намѣреніи враговъ, вмѣстѣ съ матерью окольными дорогами поспѣшилъ укрыться въ костромской Ипатьевской монастырь, окруженный крѣпкими стѣнами.

13 марта прибыло въ Кострому посольство земскаго собора и остановилось въ подгородномъ селѣ Новоселкахъ. Вся Кострома взволновалась, жители спѣшили поклониться принесеннымъ изъ Москвы иконамъ. Къ Михаилу отправили посланныхъ спросить, когда онъ позволитъ предстать посламъ земскаго собора. Получивши позволеніе, 14 марта утромъ костромское духовенство въ сопровожденіи множества народа подняло чудотворную икону Θεодоровской Божіей Матери и пошло изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны двинулись присланные изъ Москвы съ чудотворной Владимірской иконою, архіепископъ Θεодоритъ, келарь Авраамій, бояре, войско и народъ. Раздалось священное пѣніе. Марѳа и Михайлъ встрѣтили великое шествіе за вратами обители и, крестясь, смиренно поверглись передъ иконами и крестами. Ихъ просили идти въ почетномъ мѣстѣ въ главную Троицкую церковь Ипатьевскаго монастыря. Марѳа отказалась. „Знаю, сказала она, вы пришли взять сына моего въ цари, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его“!

Говоря это она и Михаилъ заливались слезами. Когда молебень окончился, архіепископъ Θεодоритъ преклонился передъ Михайломъ и проговорилъ: „весь освященный соборъ благословляетъ тебя, великаго государя и великаго князя Михаила Θεодоровича, Бога о тебѣ молятъ, и челомъ тебѣ быють“.

Затѣмъ Шереметьевъ сказалъ, что всѣ бояре, войско, служивые люди, торговые и народъ челомъ быють ему, великому государю и великому князю всея Россіи и молятъ о его здравіи и долголѣтіи.

Послѣ сего Θεодоритъ началъ читать посланіе земскаго собора, а по окончаніи чтенія, онъ и Шереметьевъ стали умолять мать и сына принять царскій вѣнецъ.

Передъ внутренними взорами Марѣи и Михаила страшнымъ видѣніемъ проходило состояніе Русской земли, опустошенной, кипящей измѣною и крамолой.

— Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ цари, воскликнула Марѣя? Люди русскіе! вспомните все прошедшее.

Напрасно Θεодоритъ молилъ ихъ, приводилъ примѣры изъ исторіи, напрасно восклицалъ: гласъ народа,—гласъ Божій.

Все было тщетно.

Тогда духовенство подняло образа, приблизились къ тому мѣсту гдѣ стоялъ Михаилъ съ матерью, послы и всѣ находившіеся въ храмѣ упали передъ ними на колѣни, а сквозь растворенныя двери собора видны были толпы воиновъ и народа повергшіеся на землю, молившіе о согласіи.

Марѣя и Михаилъ плакали.

— Дѣло выше силъ моихъ, говорилъ благочестивый юноша.

— Вы не внимлите мольбамъ нашимъ, возгласилъ наконецъ Θεодоритъ, да будетъ по вашему, идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, бѣдствуй Русская земля! Но предъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, на тебя падеть бѣдствіе отчизны!

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Бога.

Марѳа поверглась передъ святыми иконами и изрѣкла согласіе.

Теодоритъ благословилъ избраннаго царя.

На Михаила возложили наперстный крестъ, вручили ему царскій посохъ, и онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста. По совершеніи литургіи запѣли благодарственный молебенъ, провозгласили многолѣтіе царю Михаилу—и онъ принялъ поздравленія.

Юный царь появился изъ храма, облеченный въ царскій уборъ. Звонъ колоколовъ и радостные клики народа огласили воздухъ.

Три дня продолжалось торжество при колокольномъ звонѣ. Тогда же было постановлено навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ Теодоровской Божіей Матери 14 марта—день принятія Михаиломъ царскаго престола.

19 марта Михаилъ вмѣстѣ съ матерью отправился въ Москву, предшествуемый иконами, сопровождаемый духовенствомъ и присланными отъ земскаго собора. Народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью, духовенство при церквахъ встрѣчало съ крестами, иконами и развѣвающимися хоругвями. Въ Ростовѣ и Переяславлѣ царь поклонялся св. мощамъ, посѣщалъ монастыри, а Святую недѣлю прожилъ въ Троицкой лаврѣ. По пути отъ лавры толпились граждане и ряды войскъ. Жители Москвы ѣхали и шли на встрѣчу юнаго властителя Русской земли. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре и народъ высыпали на встрѣчу Михаилу съ крестами, иконами и хоругвями. Улицы были тѣсны отъ народа благословлявшаго царя. Преклонясь передъ святынею Успенскаго собора, и поклонясь гробамъ предковъ въ соборѣ Архангельскомъ, Михаилъ вступилъ въ царскіе чертоги. Инокія Марѳа благословила сына и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

11 іюля, въ тотъ день, когда Михаилу исполнилось семнадцать лѣтъ, совершено было его коронованіе.

По вступленіи на престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ память Иванъ Сусанина, пожаловалъ зятю его Богдану Сабину, — грамотой „за службу и за пролитую кровь его тестя за царя всея Россіи Михаила Ѳеодоровича“, въ Костромскомъ уѣздѣ, дворцоваго села Домнина, половину деревни Деревнищъ ему, Богдану, и всему потомству его и землю эту обѣлить неподвижно, то есть никогда съ нея не брать ни податей, ни подводъ и никакихъ поборовъ.

Дана была эта царская грамота въ Москвѣ лѣта 7128 (1619) ноября въ 30-й день.

По кончинѣ Марѣы Іоанновны, село Домнино и съ прилежащими къ нему деревнями, по ея желанію, было отдано на поминъ ея души Новоспаскому московскому монастырю, не смотря на жалованную грамоту потомству Ивана Сусанина. Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ Сабину другую грамотой въ Костромскомъ уѣздѣ села Краснаго пустошь—Коробово въ вотчину и въ родъ ихъ неподвижно велѣлъ обѣлить. Грамота эта была дана въ Москвѣ 1633 года 30-й день января.

Потомъ подтверждена царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, 1691 года. А въ 1767 году 8-е декабря и—Екатериною II.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ грамотъ, потомки Ивана Сусанина, за его терпѣніе и пролитую кровь, сверхъ пожалованія земли, были еще и обѣлены, т. е. освобождены навсегда отъ податей и повинностей. Отъ этого обѣленія потомковъ Сусанина сосѣди прозвали бѣлянами, а въ законодательствѣ они называются „бѣлопашцами“.

Императоръ Николай I-й при обозрѣніи Костромской губерніи, узнавши, что бѣлопашцы не пользуются полнымъ благосостояніемъ, повелѣлъ собрать о нихъ полнѣйшія свѣдѣнія и составить соображенія, какъ привести ихъ въ лучшее положеніе.

Пользуясь правомъ самоуправленія, дарованнаго имъ грамотою 1644 года, жители Коробова стараются всѣ свои распри и споры прекращать безъ вмѣшательства губернскихъ

властей, собственнымъ домашнимъ судомъ, причемъ званіе старосты сохраняется почти наследственно въ одномъ и томъ же родѣ, состоящемъ изъ наиболѣе зажиточныхъ семействъ. Относительно же землевладѣнія у бѣлопашцевъ существуютъ свои обычаи, ими самими установленныя правила.

Вслѣдствіе этихъ правилъ земли бѣлопашцевъ постоянно дробились на незначительные участки, которые скупались зажиточными коробцами, попреимуществу старостами, отъ этого многіе изъ коробцевъ по недостатку земли выправили себѣ вѣчный паспортъ, т. е. засвидѣтельствованную копію съ грамоты Екатерины II-й, поселялись въ разныхъ городахъ, гдѣ занимались различными промыслами, не платя никакихъ оброковъ, не избывая никакихъ повинностей. Это было виной слабаго развитія общаго благосостоянія и малаго увеличенія населенія Коробова.

Гдѣ именно погибъ Иванъ Сусанинъ,—въ точности неизвѣстно. Мѣстные жители увѣряютъ, что онъ повелъ поляковъ по руслу рѣчки Коробы, глубокимъ оврагомъ, поросшимъ дремучимъ лѣсомъ. Пройдя Домнино, у деревни Перевоза, Короба превращается въ непроходимыя трясины, наполненныя разнаго рода дичью. Болото это называется рыбнымъ или чистымъ болотомъ, быть можетъ потому, что считается очищеннымъ кровью замученнаго Сусанина. Выходящія изъ подъ воды высокія коблы, порошія мѣстами мелкимъ березнякомъ и ивнякомъ, покрыты старыми сосновыми корнями и пнями, это показываетъ, что когда-то тутъ былъ крупный сосновый боръ.

По другому преданію, Сусанинъ кончилъ жизнь въ десяти верстахъ отъ Домнина, близъ села Исупова, расположеннаго при исуповскомъ болотѣ. Болото это, простирающееся въ длину на 10 верстъ, а въ ширину на четыре, состоитъ изъ одной черной грязи, поросшей раkitникомъ. Оно непроходимо, кромѣ брода подъ самымъ селомъ Исуповымъ. Пѣшіе пробираются этимъ бродомъ, съ доскою въ рукахъ, которую перекладываютъ съ кочки на кочку на простран-

ствѣ полутора верстѣ. По срединѣ болота протекаетъ рѣчка Пичежъ; окрестности гористы.

Мѣста погребенія Сусанина въ точности также опредѣлить никто не можетъ.

Нѣкоторые говорятъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ тѣло его перевести въ Ипатьевскую обитель и съ честью предать землѣ; но въ монастырѣ могила Сусанина неизвѣстна. Жители Домнина увѣряютъ, что онъ похороненъ въ Домнинѣ, около старинной деревянной церкви, находившейся вблизи боярскаго дома. Въ 1831 году эта церковь, по ветхости, была разобрана и выстроена новая каменная церковь, повидимому, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли древнія барскія хоромы, сгорѣвшія около 80 лѣтъ тому назадъ. При устройствѣ фундамента этой церкви рабочимъ попадались срубы, бревна, ямы, которые по мнѣнію мѣстныхъ жителей были остатки бывшаго боярскаго дома.

Въ нынѣшней церкви находится нѣсколько образовъ, пожертвованныхъ инокинею Марѳой Іоанновной; семь иконъ временъ Михаила Ѳеодоровича и пять царствованія Алексѣя Михайловича. Императоръ Николай Павловичъ пожертвовалъ на поддержку этой церкви 2,625 рублей.

Въ настоящее время въ Домнинѣ находится до 30 домовъ, земли на каждое тягло по 1½ десятины, жители по большей части кирпичники и каменщики.

Село Коробово расположено на лѣвомъ берегу Волги, въ 40 верстахъ отъ Костромы. По волѣ императора Николая I въ 1855 году здѣсь построена церковь во имя Іоанна Предтечи, имя котораго носилъ Сусанинъ. Изящной архитектурѣ этого храма рѣзные карнизы и подвѣсы придаютъ необыкновенную прелесть. Риза, стихарь, одежды на престолъ, жертвенникъ и аналой сшиты изъ матеріи, служившей въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ на погребеніи покойнаго государя Николая Павловича; къ востоку отъ церкви находится прекрасный домъ священника, со школой и удобныя помѣщенія для причетниковъ. Ко всѣмъ домамъ примы-

каютъ большіе дворы со всѣми сельско-хозяйственными принадлежностями.

11 декабря 1855 года, въ день освященія церкви, по окончаніи литургіи старѣйшіе изъ коробовскихъ бѣлопашцевъ внесли въ церковь, для храненія, высочайше пожалованныя имъ грамоты, которыя и положены въ алтарѣ.

Въ бытность государя Николая Павловича въ Костромѣ, въ 1834 году, костромское дворянство представило на высочайшее усмотрѣніе желаніе свое соорудить въ Костромѣ монументъ въ память родоначальника августѣйшаго дома Романовыхъ, по проекту и плану, какой угодно будетъ его императорскому величеству.

Вскорѣ послѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе.

Къ мысли воздвигнуть памятникъ родоначальнику дома Романовыхъ присоединилась мысль поставить памятникъ и Сусанину — и открыты были подписки. Но императоръ повелѣлъ соорудить одинъ памятникъ царю Михаилу Θεодовичу и поселянину Сусанину, по рисунку сочиненному въ императорской академіи художествъ, и поставить въ Кремлѣ на главной Екатеринославской площади, которую наименовать „Сусанинской“. Исполненіе памятника поручено было ректору скульптуры Демуту-Малиновскому.

Памятникъ состоитъ изъ обнесеннаго чугуною рѣшеткою четырехъугольнаго гранитнаго пьедестала, на которомъ возвышается гранитная колонна, съ бронзовымъ бюстомъ царя Михаила Θεодоровича на самой высотѣ. Съ лѣвой стороны, у подножія колонны, помѣщена бронзовая статуя молящагося Сусанина, а съ правой изображена его родословная и двѣ грамоты, пожалованныя его роду. Въ барельефѣ, на лицевой сторонѣ пьедестала, представлены обстоятельства смерти Сусанина. На половинѣ высоты колонны — гербъ Костромской губерніи, а вверху гербъ Россіи. На задней сторонѣ пьедестала надпись: Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему. Благодарное

потомство. На двухъ боковыхъ противоположныхъ сторонахъ пьедестала—годы 1613 и 1851.

1851 года 14 марта, было торжественное открытіе памятника въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ чиновъ, потомковъ Сусанина—коробовскихъ бѣлопащцевъ и одновотчинныхъ съ Сусанинымъ крестьянъ села Домнина.

ПИСЬМА ИЗЪ ШВЕЙЦАРИИ.

(Дневникъ путешественника).

Ролль. 12 юня 1873 г.

АКОНЕЦЪ я на берегу Женевского озера. Приѣхалъ я сюда изъ Женевы. Меня неудержимо влекли просторъ и красота природы.

Ролль—маленькій городокъ, онъ напоминаетъ своей единственной широкой улицей большую деревню.

Передъ моими окнами небольшой садъ, прелесть котораго составляютъ громадныя платаны на самомъ берегу озера.

Сидя подъ густою тѣнью ихъ, наслаждаешься голубоватымъ озеромъ и невольно прислушиваешься къ таинственному плеску волнъ, ударяющихся о каменную ограду сада.

Общество здѣсь очень пріятное, и мы ежедневно совершаемъ большія прогулки по окрестностямъ. Осмотрѣвъ все по близости Ролля, мы рѣшили предпринять прогулку на С. Бернардъ.

Можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ, которая идетъ вдоль всего лѣваго берега озера, и на пароходѣ. Мы предпочли послѣднее, съ парохода лучше осматривать окрестности и наслаждаться видами береговъ.

13 іюня.

Сегодня, въ 9 часовъ утра, все наше общество собралось на пристань парохода. Утро предвѣщало жаркій день. Общество наше, состоявшее большей частью изъ молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей, весело шумѣло, радуясь предстоящей прогулкѣ. Пароходъ не заставилъ себя ждать, онъ быстро понесъ насъ вдоль Водойскаго берега, шумно разсѣкая голубыя воды озера.

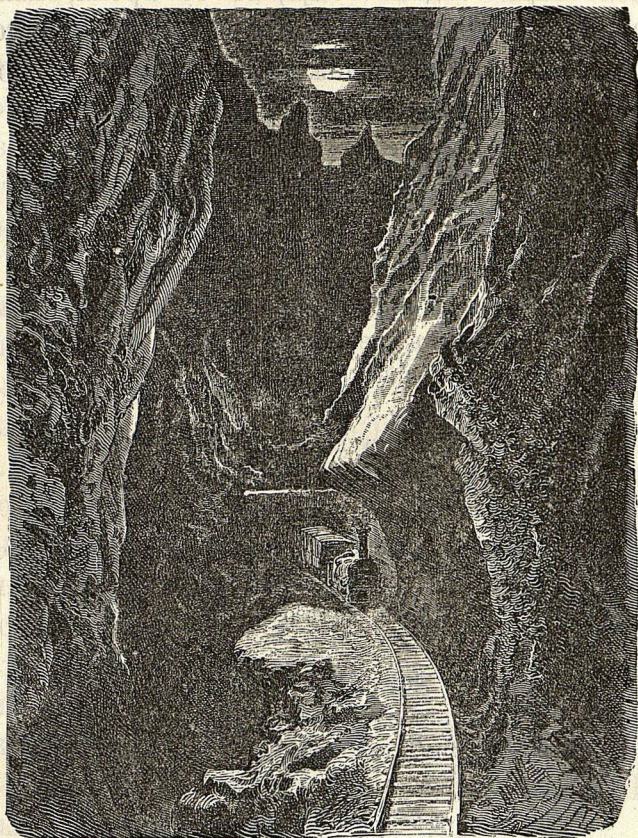
Берега озера вплоть до Уши и даже Лозанны не особенно живописны.

Они большею частью ровны, однообразны, только мѣстами оживляются какимъ-нибудь стариннымъ замкомъ. Приближаясь къ Лозаннѣ, озеро становится уже; горы праваго Савойскаго берега надвигаются ближе; къ сожалѣнію изъ-за густаго тумана мало были видны снѣжныя вершины Монъ-Блана. За то лѣвый берегъ, освѣщенный солнцемъ, былъ въ полной красотѣ.

Возлѣ Лозанны берегъ болѣе отлогій, весь покрытъ виноградниками, среди которыхъ виднѣются утопающіе въ зелени живописные швейцарскіе домики (chalets), замки и дачи. Далѣе, возлѣ Вева, Кларансъ, Монтре, горизонтъ суживается, и съ обѣихъ сторонъ горы почти надвигаются надъ озеромъ. Красота этой части озера дивная!.. Покатость горъ вплоть до озера покрыта зеленою садовъ и виноградниковъ.

Сборъ винограда бываетъ здѣсь роскошный. Эта часть озера называется маленькой Италіей (*la petite Italie de la Suisse*).

По всему берегу не найдешь ни одного пустаго мѣстечка: все занято частными домами, гостинницами или пансіонами для путешественниковъ. Жизнь такъ и кипитъ повсюду. Вдали, среди разнообразной зелени черными змѣйками из-

виваются поѣзда желѣзныхъ дорогъ, то скрываясь въ тоннеляхъ, то выбѣгая на просторъ. Съ озера картина прелестная! Пароходъ нашъ по мѣрѣ приближенія къ Лозаннѣ все болѣе и болѣе наполнялся пассажирами, со всѣхъ пристаней, расположенныхъ очень близко одна отъ другой. Среди всей этой пестрой толпы людей всевозможныхъ націй, сновавшихъ и

шумѣвшихъ на палубѣ, выдавался серьезный типъ англичанъ, которыхъ встрѣчается всего болѣе; нашихъ соотечественниковъ также достаточно,—къ сожалѣнію они не изъ числа самыхъ интересныхъ.

Проплывая мимо Кларанса, мы вспоминали Руссо и его новую Элоизу. Никто не могъ указать мнѣ каштановой бесѣдки, въ которой сидѣла Юлія, въ то время, какъ герой этого романа любовался ею съ горы la dent d'Oche, возвышающейся на противоположномъ Савойскомъ берегу.

А вотъ и Шильонскій замокъ.

На лонѣ водѣ стоитъ Шильонъ.
Тамъ, въ подземельѣ, семь колоннъ
Покрѣплены влажнымъ мохомъ лѣтъ;
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ,
Лучъ ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло—одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночью.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ,
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ...

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водѣ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ... *)

Онъ построенъ надъ водою, волны озера омывають его мрачныя стѣны. Суровый видъ этого замка невольно переноситъ

*) См. поэму „Шильонскій узникъ“, Лорда Байрона, пер. В. А. Жуковского, II и VI главы. Джордж Байронъ-Гордонъ родился 22 января 1788 года въ Лондонѣ,—скончался 19 апрѣля 1824 года, на тридцать шестомъ году жизни въ Греціи, въ борьбѣ за ея независимость, въ полномъ разцвѣтѣ своего великаго генія.

ситъ въ далекое прошлое и воскрешаетъ въ памяти тяжелыя картины.

Начало постройки его относятъ къ отдаленнымъ временамъ. Объ немъ упоминается еще въ исторіи Людовика Благочестиваго, жившаго въ IX-мъ вѣкѣ. Этотъ монархъ заключилъ одного аббата, возмущавшаго противъ него сыновей, въ отдаленный замокъ, изъ котораго заключенный могъ видѣть только небо, Альпы и воды Лемана. *)

Властители Савойи, въ близкія къ намъ времена, укрѣпили этотъ замокъ и сдѣлали его любимымъ мѣстомъ своего пребыванія. Но это продолжалось недолго: вскорѣ его обратили въ мѣсто пытки и заточенія, гдѣ погибло много несчастныхъ.

До сихъ поръ еще подъ сводами замка сохраняются мрачныя помѣщенія, въ которыхъ влчили свое существованіе несчастные заключенные, не рѣдко прикованные къ стѣнѣ желѣзными цѣпями.

Живописная картина природы окружаетъ этотъ древній замокъ.

Проѣхавъ Шильонскій замокъ, за которымъ озеро значительно сѣзилось, вдали, въ углубленіи, образованномъ громадными горами, показался истокъ рѣки Роны. Въ облакахъ бѣлѣлась снѣговая вершина горы „la dent du Midi“; ледники ея, освѣщенные лучами солнца, придавали всей картинѣ величественный видъ.

Наконецъ мы пристали къ послѣдней станціи по лѣвому берегу озера; это маленькій городокъ Вильневъ (Ville neuve); тутъ мы высадились на берегъ.

*) Женевское озеро называется также Леманскимъ, а потому, надобно полагать, этотъ аббатъ терпѣлъ заключеніе именно въ Шильонскомъ замкѣ. Замокъ Шильонъ находится между Кларансомъ и Вильневомъ, у самыхъ восточныхъ береговъ озера Лемана. Изъ оконъ его видны—устье Роны, долина, ведущая къ Сентъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизскія горы, высокіе утесы Мельери—съ одной стороны; Монтре, Шателаръ, Кларансъ, Веве—съ другой, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается широкая равнина водъ, окруженная вдали низкими голубыми берегами, на которыхъ, какъ свѣтлыя точки, сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль, а позади падаетъ съ холма шумный потокъ. Глубина озера до 800 французскихъ футовъ.

Верней.

Совершивъ переѣздъ изъ Вильнева въ Верней по желѣзной дорогѣ, я въ 2 часа дня уже отдыхалъ въ отличной гостинницѣ, одиноко стоявшей въ глубинѣ узкой долины рѣки Роны. Черезъ эту долину проходитъ путь въ Италію, въ долину Шамуни и многія другія, часто посѣщаемыя мѣста, и потому въ этой гостинницѣ всегда бываетъ наплывъ путешественниковъ, такъ что надо впередъ позаботиться о комнатѣ; что мы и сдѣлали по телеграфу. Отдохнувъ немного, мы отправились осматривать находящееся по близости ущелье, извѣстное подъ названіемъ *les gorges du Trian*.

Представъ себѣ ущелье, шириною въ нѣсколько сажень, между двумя стѣнами скалъ, которыя сверху до того сходятся, что свѣтъ проникаетъ въ него весьма слабо. На днѣ этого ущелья бушуетъ и пѣнится съ страшной силой горный потокъ Трианъ. Вдоль каменныхъ стѣнъ, въ которыя онъ заключенъ, люди ухитрились устроить подмоски, похожія скорѣй на полочки, приклеенныя къ стѣнѣ надъ бездною, глубиною въ 8 тысячъ футовъ. По этимъ-то полочкамъ пришлось идти около получаса, мѣстами пробираясь нагнувшись, потому что нависшія скалы не позволяли выпрямиться, и безпрестанно переходя съ одной стороны на другую по такимъ же висячимъ мостикамъ. Страшно было подвигаться по этимъ подмосткамъ, они такъ и колыхались подъ ногами. Изъ нашего общества оказалось не много смѣлыхъ и пришлось ободрять другъ друга примѣромъ и словомъ. Проводникъ нашъ оказалъ намъ неоцѣнимую услугу: онъ рассказалъ въ подробностяхъ, какъ устроенъ этотъ путь и прибавилъ, что не было еще ни одного несчастнаго случая съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ; а этому уже болѣе двадцати лѣтъ. Это придавало намъ смѣлости, и мы пошли рѣшительнѣе, забывъ объ опасности, вполнѣ наслаждаясь дикой и грозной красотой мѣстности. Наконецъ дошли мы до того мѣста, гдѣ ущелье стало расширяться; показалось снова голубое небо и мы очутились передъ шумящимъ водопадомъ въ томъ мѣстѣ,

гдѣ Трианъ съ необыкновенной силой низвергается въ ущелье съ громадной высоты.

Дальше идти было нельзя, а возвращаться надо было тѣмъ же путемъ. По субботамъ эти ущелья освѣщаются газомъ и бенгальскими огнями и собираются массы народа.

Изъ ущелья мы отправились гулять по окрестностямъ. Вечеръ былъ чудный; луна какъ-то особенно красиво выглядывала изъ-за горъ и, освѣщая часть долины, набрасывала на другую таинственную тѣнь.

Верней, 14 іюня.

Въ шесть часовъ утра мы уже садились въ маленькія рессорныя телѣжки, запряженные однѣ парю муловъ, другія — сильныхъ горныхъ лошадей. и покатили по гладкой, какъ скатерть, дорогѣ.

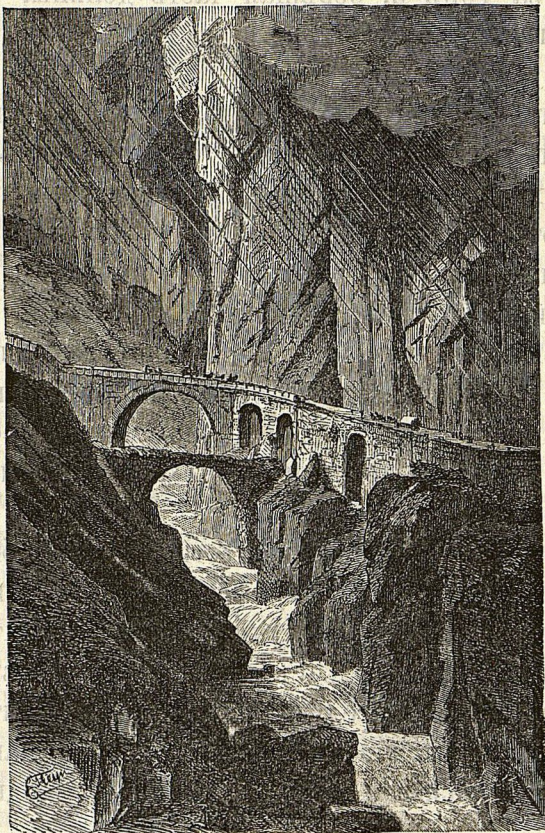
День былъ сѣренькій, солнце не проникало еще въ долину, защищенную громадными горами. Вдали, въ облакахъ виднѣлась снѣжная вершина Mont Vilan, находящаяся недалеко отъ С. Бернарда, къ которому мы направлялись.

Въ Мартиньи мы оставили долину Роны, проѣхали мимо ущелья, по пути въ Шамуни и въѣхали въ долину d'entre Monts, которая вела до подошвы С. Бернарда. Путь нашъ шель по чрезвычайно красивой мѣстности вдоль быстрой рѣки Дрансы, впадающей въ Рону, вытекающей изъ ледниковъ С. Бернарда. Мы все время ѣхали почти шагомъ; жара становилась удушливая, пыль стояла страшная; тѣмъ не менѣе мы вели все время веселую бесѣду съ нашимъ кучеромъ, умнымъ и пріятнымъ швейцарцемъ, который знакомилъ насъ съ мѣстностью, называя горы и вершины, виднѣвшіяся на пути.

Между тѣмъ, дорога, извиваясь вмѣстѣ съ теченіемъ Дрансы изъ одного ущелья въ другое, открывала передъ нами все новые живописные виды. Разные швейцарскіе домики и цѣлыя деревни встрѣчались намъ безпрестанно. Издали онѣ были чрезвычайно живописны, вблизи представляли плачевное зрѣлище.

Дома въ деревняхъ самой грубой архитектуры, непри-
вѣтливы и грязны на видъ; они представляютъ сплошную
стѣну вдоль узкой мощеной улицы. Но еще болѣе грустное
впечатлѣніе произвели на насъ сами обитатели этихъ де-
ревень.

Въ этой долинѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ царство-
валъ во всей своей силѣ ужасный кретинизмъ. Эта страш-

ная болѣзнь, обезображивая человѣка физически, дѣйствуетъ
въ то же время и на умственные его способности: она до-
водитъ его до полнѣйшаго идиотизма. Къ сожалѣнію никакія
медицинскія средства не помогаютъ противъ этой болѣзни,
она переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Только измѣ-
неніе условій жизни можетъ принести нѣкоторую пользу.

Благодаря внимательству правительства, дѣятельно принявшаго мѣры, она теперь значительно уменьшилась, хотя до сихъ поръ еще встрѣчаются субъекты, вполне обезображенные ею, и на лицахъ, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, лежитъ какой-то особенный отпечатокъ тупости.

На возвратномъ пути я радъ былъ что пришлося ѣхать по этимъ деревнямъ поздно вечеромъ, и, благодаря темнотѣ, не видѣть этихъ лицъ, которыя производятъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе.

Изъ Орсіера, гдѣ мы кормили лошадей, дорога стала круто подыматься въ гору, и передъ нами открывалась одна картина лучше другой. Незамѣтно какъ-то очутились мы на узенькой дорожкѣ, съ одной стороны которой отвѣсной стѣной вывышалась гора, а съ другой была безконечная пропасть. На такомъ пути крайне непріятны встрѣчные экипажи, разѣзжаться можно было только съ величайшимъ трудомъ.

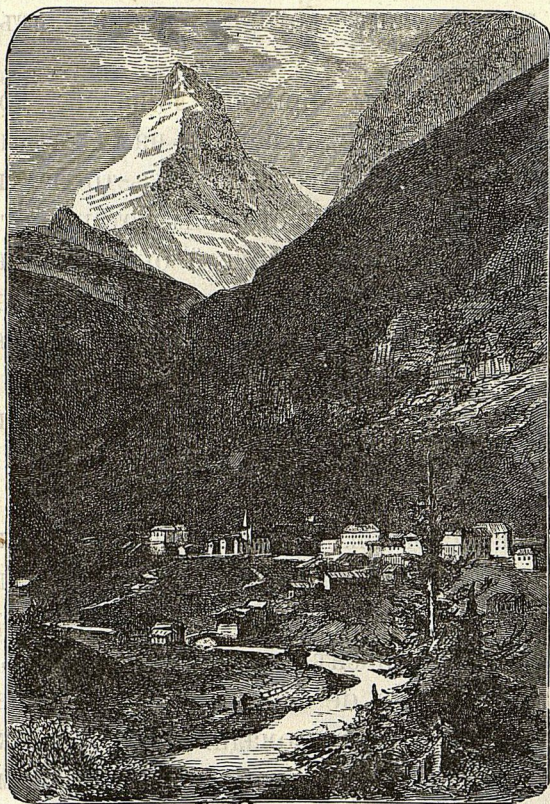
Все шагомъ, любуясь окрестностями, добрались мы въ 2 часа дня до мѣстечка Лидъ, большой станціи, гдѣ предстоялъ двухчасовой отдыхъ.

Возстановивъ свои силы, мы снова отправились въ путь. Дорога, такая же узкая, крутыми уступами подымаясь въ гору, съ каждымъ шагомъ становилась все опаснѣе. Вдали, передъ нами виднѣлись снѣжныя вершины, подъ названіемъ Mont Vêlan и l'aiguille de Marigny, а по сторонамъ возвышались одна надъ другой громадныя горы; нѣсколько суровый видъ ихъ оживлялся зеленью лѣсовъ и множествомъ быстрыхъ потоковъ, стремящихся съ неимоверной высоты и мѣстами падающихъ шумными каскадами.

Внизу, въ глубинѣ долины, по обѣ стороны рѣки Дрансы тянулись роскошные, зеленые луга и кой-гдѣ виднѣлись живописныя домики. Рѣка извивалась мѣстами между крутыми скалами, какъ сталь блестящими на солнцѣ, а мѣстами скрывалась въ густой зелени. Теченіе ея, весьма быстрое, было для насъ незамѣтно: она казалась неподвижной бѣлой

лентой, такъ велика была высота, на которой мы находились.

Наконецъ добрались мы до самого опаснаго мѣста, извѣстнаго подъ названіемъ пропасти Св. Петра. Эта узкая дорожка, крутыми поворотами тянувшаяся надъ страшными пропастями вдоль отвѣсной горной стѣны, не защи-

щенная никакими барьерами (*gardefoux*), наводила такой страхъ, что почти лишала возможности наслаждаться красотою мѣстности, и одна забота — не повстрѣчаться съ какимъ-нибудь экипажемъ, поглощала вполнѣ всякую другую мысль. И какъ разъ въ ту минуту, какъ мы находились на самомъ опасномъ мѣстѣ, на поворотѣ дороги, изъ-за горы показалась голова мула. Ее встрѣтилъ общій крикъ ужаса,

и въ одинъ мигъ все наше общество выскочило изъ экипажей. Кстати надо сказать, что телѣжки, въ которыхъ мы ѣхали, такъ были высоки, что намъ подставляли лѣстницы, чтобы сходить съ нихъ. Вотъ какъ сильно было вліяніе страха!

Съ большимъ трудомъ удалось развести экипажи: колеса нашей телѣжки прошли по самому краю пропасти.

Cantine.

Въ 4 часа дня добрались мы наконецъ безъ всякихъ приключеній до послѣдней станціи. Дальше нельзя было ѣхать въ экипажахъ. Оставалось еще два часа пути до вершины С. Бернарда и приходилось или идти пѣшкомъ, или ѣхать на мулахъ.

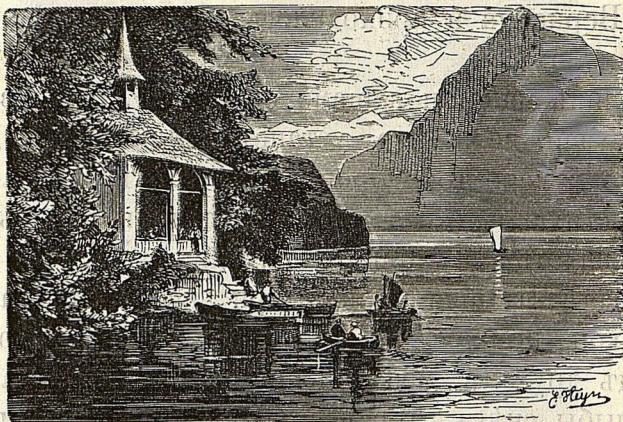
Навьючивъ нашими вещами одного мула, мы взяли другаго на случай, если кто устанетъ, и пѣшкомъ двинулись въ путь по каменистой дорогѣ, которая ввела насъ въ долину, извѣстную подъ названіемъ „долины мертвыхъ“; она тянулась вплоть до пріюта, находившагося на вершинѣ С. Бернарда. Мы шли цѣлыхъ три часа среди самой суровой и дикой природы. Со всѣхъ сторонъ громоздились другъ надъ другомъ исполинскія скалы, а въ разсѣлинахъ бѣлѣли глыбы снѣга. Деревьевъ и растеній почти не было; только по склону горъ, возлѣ дороги, виднѣлись еще кой-гдѣ зеленныя пастбища, на которыхъ, какъ рассказывалъ нашъ проводникъ, пасутся стада коровъ и козъ. Дѣйствительно, разъ повстрѣчалось намъ огромное стадо коровъ, спускавшихся съ горныхъ высотъ. Видъ этихъ большихъ, сытыхъ животныхъ нѣсколько оживилъ окружающую насъ ужасную картину.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ природа становилась суровѣе, тѣмъ чувствительнѣе дѣлался холодъ. Рѣдкій воздухъ до того стѣснялъ грудь, что приходилось каждую минуту останавливаться, чтобы перевести духъ. Измученные

до крайности, добрались мы наконецъ, по страшной крутизнѣ, до самаго высокаго пункта и очутились на небольшой площадкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ снѣжными вершинами, среди которыхъ одиноко стояло угрюмое, сѣрое зданіе.

Роенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Слѣдующій № 16 „Игрушечки“ выйдетъ двадцать шестого (26) апрѣля.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 апрѣля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. № 11—2.